

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М32

Художественное оформление серии
Елены Окольциной

Издание осуществлено при содействии литературного
агентства Banke, Goumen & Smirnova

Мастер, Чэнь.

М32 Магазин воспоминаний о море / Мастер
Чэнь. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105384-0

«Эти рассказы — заметки на полях моих романов, да и на полях жизни. По доброй англо-американской традиции любую такую книгу следует предварять строчкой: все персонажи и ситуации, обозначенные здесь, — вымышленные, любые совпадения имен или фактов с реальностью, существующими людьми или событиями — случайность. Я бы сделал то же самое, да только какая же тут случайность или совпадение. Все правда. Или почти все. Конечно, я немножко подвигал кирпичики, уложил их не совсем в том порядке, в каком они возникали во времени или пространстве, — но сами-то кирпичики абсолютно настоящие». *Мастер Чэнь*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105384-0

© Мастер Чэнь, текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо»», 2020

ЕЕ СИЯТЕЛЬНОСТВО

—Прошу подать на еду.

В Азии привыкаешь не замечать нищих, не поднимать головы от стола — если сидишь; с резиновой улыбкой обходить их — если шагаешь. Они не будут долго беспокоить вас, они никогда не решатся на физическое прикосновение, они не опасны.

Но когда ты слышишь эти четыре слова... вообще-то три на английском — *begging for food...* и на каком английском! Вот трансляция из британского парламента, ее величество в куполообразной короне неспешно надевает очки, раскрывает папку у себя на коленях, и... вы слышите и понимаете каждое слово — произнесенное негромко, отдельно, с почти нечеловеческой четкостью, благосклонно и терпеливо. Королевский английский. Несравненный и неподражаемый.

И это был именно тот английский, который я только что услышал.

Невозможно было не поднять в ответ голову от алюминиевого, пустого пока что столика

«Бхадху Шаха». Невозможно было равнодушной быстрой полуулыбкой отделаться от этой женщины, стоявшей передо мной на тротуаре, в шаге от границы, разделявшей ресторан и улицу.

Она, казалось, на расстоянии приподнимала мне взглядом подбородок... я вздернул голову еще немного, встретился с ней глазами — а если ты посмотрел на нищенку, то она одержала первую победу, и, скорее всего, ты что-то ей дашь.

Но уже по королевскому английскому можно было догадаться, что нищенка — кто угодно, только не вот это.

Европейцы в Азии — это не одна порода людей, а несколько. Есть туристы в шортах и безразмерных майках, всегда с видеокамерами; есть бизнесмены в промокших на спине рубашках с галстуками; и то, и другое — классика. А тут был, конечно, тоже классический вариант, но совсем другой. Бесспорно европейская женщина, рыжеватая блондинка, но... широкие, суженные к щиколотке марлевые штаны, длинная, ниже колен, рубашка такой же ткани, шарф-накидка... в общем, пенджаби, очень дешевое. Небольшой матерчатый рюкзак за плечами. И все это — с оттенками выцветшего шафрана и серой пыли.

Эту одежду носили, не меняя, уж точно больше года. Эти ноги в простых сандалиях

наверняка несут ее от храма к храму — Шива, Кришна, Мухаммед, Будда, Гуаньинь — месяц за месяцем, сотни, если не тысячи километров. Копеечные автобусы, поезда или просто дорога под ногами.

И лицо — с потемневшей кожей (она светлее только в глубине двух морщинок у носа), с благосклонной и несколько отрешенной улыбкой, длинным, чуть выставленным подбородком.

Ее наблюдавшие за мной глаза смеялись — скорее добродушно.

Буддийский монах — если это настоящий монах, а не жулик в шафранных одеждах, каких здесь тоже достаточно, — не просит у вас денег на еду. Он медленно идет с миской для подаяния мимо, предоставляя вам шанс накормить святого человека и этим исправить карту ваших будущих судеб.

И эта женщина вообще-то тоже ни о чем не умоляла. Она даже не пыталась повторить эту фразу — «прошу подать на еду». Она изучала мое лицо со спокойным любопытством, возвышаясь надо мной на тротуаре в позе, которую способны принимать только коренные жительницы Индостана — может простоять так час, а может через долю секунды наклонить голову в знак прощания и тронуться дальше среди слепящей жары, чуть шаркая сандалиями по неровному темно-серому асфальту.

Она уйдет, и чего-то в жизни не случится.

Я поднялся со своего шаткого алюминиевого стульчика — сидеть, когда она стоит, было просто невозможно! — и полез в карман. А дальше... эти веселые изучающие глаза что-то со мной все-таки сделали — я достал бледно-сиреневую бумажку. Подошел к неподвижной женщине поближе — чтобы окружающие не видели, что именно между нами происходит, ведь тогда она потеряет лицо, — и с почтительным наклоном головы вложил бумажку в ее длинную узкую руку.

Дальше была пауза.

— Вот это просто великолепно, — вновь зазвучал негромкий и неторопливый голос королевы под сводами зала парламента. — Сто рингитов. Вы едите в «Бхадху Шахе», а ведь ни одному неопытному приезжему и в голову не придет сюда спуститься. Значит, вы в городе далеко не в первый раз и знаете, что такое сто рингитов. Это примерно тридцать пять долларов. Такие деньги здесь не подают на еду. Столько платят разве что за секс. Хм?

И она посмотрела на меня чуть сбоку, не то чтобы обвиняющим, но довольно-таки строгим взглядом.

Слово «секс» она произнесла без тени смущения, так же отчетливо и таким же ровным голосом, как и все остальное. Ее, наверное, могли услышать люди даже в дальнем углу «Бхадху Шаха».

— Что касается еды, — сказали, как бы сами по себе, мои губы, — то вы можете просто присесть ко мне. Я вижу, что вы тоже знаете это место. Вы доверите моему вкусу, если я попрошу повторить для вас мой заказ?

— И что это за заказ? — склонила она голову, делая шаг по ступеньке вниз, ко мне.

— Бумажная тоса. Панир тикка. Молодой кокосовый орех. Мы просто разделим то, что мне сейчас принесут, а потом сделаем то же самое, когда они принесут это снова.

— Вы действительно знаете «Бхадху Шах», — негромко сказала она, с легким вздохом сбрасывая с плеч рюкзак на соседний стул. — Что внушает... ну, уважение.

В этот ресторан, как она правильно заметила, «спускаются» — на пару шагов вниз, с тротуара, как бы в открытую с трех сторон залитую бетоном яму, защищенную от солнца ржавыми листами железа на столбах. Тут и вправду не то место, куда зайдет европеец, впервые оказавшийся в Азии.

Самый простой путь к «Бхадху Шаху» — выйти на перекресток Султана Исмаила и Раджи Чулана и обойти справа «Истану». Этот столичный отель называли «мусульманским пятизвездником», пока в Малайзию не пришел новый век, когда все пятизвездники — по крайней мере летом — стали арабско-иранскими,

судя по обитателям. В «Истане» весьма обычные комнаты, довольно средний буфет, но если вам нужно настоящее спа, идите только туда.

Итак, если вы обходите справа стеклянную громаду «Истаны» с мусульманскими полуарками наверху, то оказываетесь на относительно прямой, сначала спускающейся, а потом поднимающейся на невысокий холм улице под старыми акациями. Здесь к каждому двухэтажному дому-бараку пристроено по такому вот навесу на столбах, и везде пахнет едой.

«Бхадху Шах» — для бедных, а то и очень бедных жителей этого квартала Куала-Лумпура. Тех, что сидят здесь вечером за стаканом крепкого чая, по цвету кремово-кирпичного — даже несмотря на порцию горячего молока. Сидят и смотрят, снизу вверх, на подвешенный под потолком внушительный телеэкран, на котором видно, как где-то в Лондоне человечки гоняют мяч по зеленому полю под рев трибун.

Основная еда здесь выставлена в мятых жестяных подносах под зудящими неоновыми лампами, а это верный признак того, что заведение далеко не роскошное. Но у «Бхадху» отличный тандур — стоит серым горбом у самой кромки тротуара, возле дыры для стока воды, которую в сухой сезон используют для своих целей местные крысы. Индийца, впрочем, вы крысой не удивите и не испугаете.

«Бхадху» считается, правда, рестораном не индийским, скорее пакистанским, а в общем — довольно типичным заведением для любых мусульман, переселившихся в Малайзию за последнюю пару веков с Индостана. И это значит, что в тандуре поджаривают на шампурах отличный сыр (тот самый заказанный мной панир тикка, пахнущий молоком и дымком), что здесь хороший хлеб. И еще роти чанай — что-то среднее между толстым упругим блином и просто хлебом.

А «бумажная тоса», она же доса, она же дхосаи — это не совсем хлеб, это блин, кисленький — почти как ржаной, с хрустящими краешками, свернутый в трубочку и невесомо застывший в такой позиции. Большой, нависающий над краями тарелки и действительно похожий на рулон полупрозрачной бежевой бумаги. От него отламывают пальцами крошащиеся ломтики и макают их в острый чечевичный соус с кусочками картошки.

— Здесь, как всегда, отлично, — выговорила она, аккуратным кругообразным движением зачерпывая соус.

К своему стыду должен признать, что есть руками я не то чтобы совсем не умею, но мне далеко до вот таких женщин и мужчин, невозмутимо вычищающих тарелку характерным движением пальцев щепоткой — чуть с подворотом. Обычно, правда, так делают индий-

цы, а не вот такие европейские бледно-рыжие ведьмы.

Она, кажется, была довольно голодна, но при этом безупречно держалась со мной голова в голову — съела с нашей общей тарелки ровно половину тосы и так же поступила со второй и с паниром тоже. После чего начала чуть улыбаться миру, «Бхадху Шаху» и его клиентам.

— Конференция, значит, — сообщила она мне, рассматривая мой черный матерчатый портфель, выданный, как положено, каждому из участников. — Ага, вы русский. Хорошо.

— Не скрываюсь, — заметил я, бросая взгляд на брошенную поверх портфеля именную табличку на шнурке. — А вы? Ваш английский слишком хорош, чтобы быть настоящим. Или вы из королевской семьи Англии, или... нет, есть намек на какой-то механический, или металлический, акцент. Германия?

— Х-ха! Почти, — посмотрела она на меня желто-карими глазами. — Угадайте: откуда пришли противные жирные слоеные булочки с половиной персика внутри, и сверху персика чуть-чуть заварного крема? О боже мой. Ну, хорошо. Еще в этой стране есть сыр. Гамлет, наконец, принц Гамлет. Не то чтобы у нас в стране кто-то про него вспоминал, настоящий Гамлет жил в каком-то одиннадцатом веке и был кровавым маньяком. Но Эльсинор стоит, на радость туристам.

— Ах, Дания, — понял я. — И еще Андерсен.

— Конференция, — повторила она. — Вдобавок вы не многое знаете про сыр и датские булочки, но отзываетесь на что-то литературное. Что ж, логично. И отлично. С таким мужчиной совсем не стыдно заняться сексом. Ведь вы же мне дали сто рингитов? Я их уже не верну. Стоп. Вы застенчивы! Вы чуть дергаетесь, когда слышите слово «секс», а сами его не произносите. Как мило.

— Секс, — сказал я. — И я очень застенчив.

— Нет-нет-нет, если вы это признаете — значит, хоть и застенчивы, но не очень... В каком странном мире мы живем: за секс, такую простую вещь, когда люди доставляют друг другу маленькое удовольствие, ну вот как массаж или почесать спину... и за это дают и берут деньги. Ну, если уж мир так устроен — что мы можем сделать? Я готова и вся ваша. Я и правда готова, а причину назову вам потом. Это не деньги, ведь, повторю, я их уже получила и не отдам. Ну или не совсем деньги. А ваш отель — там, наискосок через перекресток?

Я снова посмотрел на портфель с конференции: место ее проведения (отель «Краун Плаза»), как и тема, было отпечатано на его клапане большими белыми буквами. Обычно делегатов помещают там же, где, на первых этажах, они заседают.

— И вы, как я понимаю, только что сбежали с конференции, отказались от предсказуемого отельного буфета ради настоящей еды у «Бхадху»? Значит, вы хоть немножко авантюрист и еще знаете, что такое удовольствие. А раз так — или вы получаете его от меня немедленно и сполна, или я уйду со ста рингитами искать то, что мне сейчас необходимо. Согласны?

— Вперед, — сказал я и почувствовал, что делаю что-то не то.

Дама перекинула через плечо шарф своего пенджаби.

— Кстати, меня зовут Маргарет, — сказала она. — И я возьму вас под руку. Так приятнее. А вот свой рюкзак я всегда ношу сама.

Я знал, что сейчас попаду в какую-то неприятную историю. Потому что сделал шаг в мир, населенный странными и загадочными для меня людьми.

Европа и Америка полны теми, кто постепенно понял, что ходить по холодным улицам или стоять там в пробках, сидеть в стеклянных офисах с искусственным воздухом, где не дают курить, — это не жизнь. Одни такие, понявшие, работают одиннадцать месяцев в году ради четырехнедельной поездки в настоящий теплый мир — с рюкзаками, в шортах с карманами, в тапочках на босу ногу. Другие уезжают на год, полагая, что место третьесортного клер-

ка от них никуда не убежит. Третьи — они улетают в Азию надолго, думая, что навсегда.

Эти европейцы живут в самых жутких кварталах азиатских городов, в клетушках два на три метра, если повезет — с вентилятором под потолком, или в длинных спальнях комнатах на двадцать кроватей, притом что на женские и мужские эти ночлежки делятся далеко не всегда. Они одинаковы на вид — с навеки загоревшими лицами, выцветшими волосами, свалывшимися дредами в бантиках, с платочками на головах, с рюкзаками... Их хорошо знает и не очень любит местная полиция: просроченные или напрочь отсутствующие визы, наркотики, мелкое воровство, попрошайничество, неожиданная необходимость везти их в больницу.

Но они стали своими в храмах всех религий — да многие попросту живут там, на теплых, истоптанных ногами храмовых плитах, и питаются подаванием.

И вот сейчас я шел с женщиной из этого завораживающего и жутковатого мира к себе в отель. Они, в их мире, как-то по-другому относятся к любви, они — наследники легендарного века, шестидесятых и семидесятых, века, когда любовь была свободной, ею занимались когда хотели и с кем хотели, и даже где угодно. А может быть, они и сейчас так делают.

Самое забавное, что эти люди, слившиеся с местной нищетой, иногда со вздохом доста-